

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.23

DOI: 10.19073/2306-1340-2019-16-1-43-48

ВОВЛЕЧЕНИЕ В СОВЕРШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЙСТВИЙ: НОРМАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

РЕШЕТНИКОВ Александр Юрьевич*

✉ criminal-law@mail.ru

Ул. Азовская, 2, 1, Москва, 117638, Россия

***Аннотация.** В уголовном законодательстве используются различные термины, описывающие одно и то же явление – вовлечение в преступление (общественно опасные действия). В зависимости от объекта, институциональной принадлежности и уголовно-правового контекста преступное вовлечение может получать различное уголовно-правовое значение. В работе дана юридическая оценка преступному вовлечению, которое вне зависимости от своего нормативного описания обладает единой правовой природой, и представлены рекомендации по квалификации. Отмечается, что использованные законодателем подходы к криминализации вовлечения не исключают возможности соучастия в преступлениях, совершаемых путем вовлечения. Нормативные различия в описании действий по вовлечению предопределяют неоднообразное понимание содержания исполнительских действий и момента юридического завершения преступлений. Обосновано, что уяснение смысла уголовно-правовой нормы, содержание деяния в которой выражено в форме вовлечения, следует проводить с учетом правил грамматического и логического толкования, а также принимать во внимание уголовно-политические задачи.*

***Ключевые слова:** вовлечение в преступление, соучастие в преступлении, неоконченное преступление, покушение на преступление, подстрекательство.*

Involving in the Committing of Socially Dangerous Actions: Regulatory Structures and Criminal-Legal Assessment Issues

Reshetnikov Aleksandr Yu.**

✉ criminal-law@mail.ru

2, 1 Azovskaya st., Moscow, 117638, Russia

***Abstract.** In criminal law, various terms are used that describe the same phenomenon – involvement in a crime (socially dangerous actions). Depending on the object, institutional affiliation and the criminal law context, criminal involvement may have different criminal law meaning. The paper provides a legal assessment of criminal involvement, which, regardless of its normative description, has a single legal nature, and provides recommendations on qualifications. It is noted that the approaches used by the legislator to criminalize involvement do not exclude the possibility of complicity in crimes committed by involvement. Regulatory differences in the description*

* Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

** Docent of the Department of Criminal Law Disciplines at University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Docent.

of engagement actions predetermine the non-uniform understanding of the content of executive actions and the moment of legal completion of crimes. It is substantiated that the understanding of the meaning of the criminal law, the content of the act in which is expressed in the form of involvement, should be carried out taking into account the rules of grammatical and logical interpretation, as well as take into account the criminal political tasks.

Keywords: *involvement in crime, complicity in crime, inchoate crime, attempted crime, incitement.*

Преступное вовлечение представляет собой единое по своей объективной сущности деяние (система действий), получающее множественные уголовно-правовые значения. Во-первых, законодатель позволяет оценивать вовлечение с точки зрения института соучастия в преступлении; а во-вторых, устанавливает уголовную ответственность за различные виды вовлечения в преступление (о вовлечении как способе совершения преступления прямо указано в ст.ст. 150, 151², 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ст.ст. 240, 242, 282¹, 282², 361 УК РФ, при этом результаты толкования используемых в иных статьях закона терминов «вербовка», «склонение» и др. позволяют значительно расширить этот перечень [5]).

Подобный дуализм в уголовно-правовой оценке деяний, как отмечают ученые, представляет собой конкретизацию норм Общей части в отношении определенной категории деяний, которая, к сожалению, не восполняет известного пробела, связанного с невозможностью установления наказания за ряд опасных действий посредством института назначения наказания за неоконченное преступление [12, с. 178–179]. При этом такая конкретизация порождает новые трудности, с которыми приходится иметь дело правоприменителю. Они связаны с уголовно-правовой оценкой различных видов соучастия (деятельности подстрекателя, пособника или организатора) в условиях, когда такие случаи соучастия признаны самостоятельными уголовно-правовыми деликтами и одновременно с этим по своей природе являются приготовлением к преступлению [1, с. 5–7; 3, с. 15; 13, с. 20–23].

Чтобы разобраться с особенностями квалификации действий по вовлечению в преступление, необходимо определиться с содержанием самого понятия «вовлечение». Уголовный закон, в котором этот термин и его синонимы часто используются, не содержит определения вовлечения. Таким образом, оно получает свое доктринальное и правоприменительное объяснение.

Смысловое наполнение термина «вовлечение» в уголовно-правовых источниках пред-

ставлено по-разному, что во многом предопределено спецификой объекта посягательства и механизмом причинения вреда последнему. Так, А. Н. Игнатов применительно к половым преступлениям раскрывает вовлечение путем использования синонимов – склонение, принуждение, побуждение к совершению определенных действий [4, с. 243]. Такая трактовка отражает общепотребительное значение понятия «вовлечение» [5]. Комментируя статьи закона об ответственности за террористические преступления, В. П. Степалин подчеркивает, что иное вовлечение (обозначено в диспозиции ст. 205¹ УК РФ в качестве альтернативного способа содействия террористической деятельности) следует понимать более широко, по сравнению со склонением или вербовкой. В качестве примера такого вовлечения автор указывает на идеологическую обработку и воспитание молодого поколения с привитием на будущее время навыков, определяющих содействие террористической деятельности, подражание взрослым террористам, обработку родственников, родных в таких же целях и т. д. [6, с. 28–29]. Можно заметить, что в данном случае вовлечение понимается весьма широко и не отождествляется с конкретными действиями, а скорее указывает на определенную поведенческую линию (деятельность). Как известно, цель толкования состоит в уяснении смысла всей правовой нормы в целом и поэтому «важной задачей, стоящей перед интерпретатором, – как указывает А. С. Пиголкин, – является толкование смысла предложений, из которых состоит исследуемая правовая норма, исследование их общей грамматической и смысловой структуры» [10, с. 70]. В этом контексте предлагаемое специалистами толкование термина «вовлечение» применительно к террористической деятельности логично и ориентировано на борьбу с различными формами общественно опасных посягательств на общественную безопасность.

Обращение к историческому опыту регламентации уголовной ответственности за частные случаи подстрекательства к преступлению,

выраженные в вовлечении, склонении, вербовке, понуждении, принуждении и т. п. действиях, показывает, что законодатель всегда перекладывал ответственность в части понимания содержания этих случаев на правоприменителя. Однако, учитывая уголовно-правовой контекст, установить их реальное содержание и провести различия между используемыми законодателем терминами, как верно указывает Т. И. Нагаева, на практике достаточно сложно [9, с. 521]. Между тем многообразие способов вовлечения делает нецелесообразным их формализацию. По этой причине уголовно-правовая наука для удобства будущего правоприменения дает рекомендации законодателю отобразить в законе типичные родовые способы воздействия на другое лицо – убеждение и принуждение [7, с. 57–59]. В целом такие и подобные им предложения интересны и заслуживают отдельного внимания, однако по понятным причинам они не позволяют решить насущные проблемы уголовно-правовой оценки преступных вовлечений, порожденные так называемым терминологическим хаосом.

На наш взгляд, наиболее верным в понимании термина «вовлечение» будет использовать подход, объясняющий его содержание с учетом лексического значения. В этом случае грамматическая форма, отмечается в доктрине, прежде всего и должна использоваться для уяснения действительного смысла нормы [10, с. 71].

Таким образом, под вовлечением следует понимать умышленные действия лица, возбуждающие желание у другого лица совершить определенные запрещенные уголовным законом (преступные или иные общественно опасные) действия. Например, вовлечением в банду судом были признаны действия К., который с согласия и одобрения руководителя банды И. и иного неустановленного организатора банды ввел в ее состав М., имеющего навыки обращения с огнестрельным оружием, поскольку ранее он проходил службу в Вооруженных Силах Российской Федерации¹.

В целом разделяя известный постулат о том, что используемые в законе понятия должны получать единообразное наполнение, а полисемия в их трактовке является недопустимой [8, с. 147–149], следует оговориться относительно понимания деяний, связанных с вовлечением. Установив уголовную ответственность за част-

ные случаи подстрекательства, законодатель тем самым представил различные «модели» вовлечения: вовлечение в преступление и вовлечение в деятельность (преступную, антиобщественную, экстремистскую и др.). Это предопределяет различие в понимании содержания соответствующих деяний. Используемые в разных статьях УК РФ термины «вовлечение», «склонение», «вербовка» и др. следует оценивать не только с учетом их лексического значения, но и принимая во внимание объективный характер совершаемых действий, сущность объекта преступного посягательства и особенности механизма причинения ему вреда. Иными словами, оценку содеянного следует проводить в том числе с учетом правил логического толкования закона.

Выходит, что презумпция единообразного понимания момента окончания вовлечения, которая базируется на идее единства смыслового наполнения уголовно-правовых понятий (некоторые ученые полагают, что результаты анализа норм о подстрекательстве, вовлечении и склонении свидетельствуют, что по существу закон не устанавливает разного момента завершения этих преступлений [5]), является опровержимой. С учетом этого высказанная М. Д. Шаргородским более полувека назад мысль о том, что причастие «склонившее», используемое в законе для описания подстрекательства, должно означать действия, которые фактически склонили лицо к совершению преступления, а именно побудили в нем реальную решимость к совершению преступления [14, с. 162], сегодня не может восприниматься как догма. Таким образом, момент окончания вовлечения в преступление и момент окончания вовлечения в преступную (противоправную, асоциальную) деятельность не могут быть одинаковыми. Это обстоятельство объясняет тот факт, что момент окончания различных преступных вовлечений по-разному понимается на практике применительно к различным преступным посягательствам.

Следует заметить, что сложившийся в уголовно-правовой реальности подход, при котором ответственным за содержательное наполнение термина «вовлечение» является правоприменитель, имеет изъян. Порочность такого подхода кроется не только в недооценке практикой сущности охраняемых уголовно-правовых отношений, специфики общественной

¹ Приговор Московского гор. суда от 5 нояб. 2015 г. по делу № 2-51/15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

опасности подстрекательской деятельности, но и в его зависимости от уголовно-политических установок.

Например, в п. 27 постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 4 указано, что склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления. При этом для признания преступления окончанным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог². Учитывая, что объектом преступления в данном случае выступают отношения по охране здоровья населения, содержание деяния в форме склонения к совершению асоциального действия (потребление наркотиков по своему содержанию не преступно) представлено как процесс, результаты которого носят вероятностный характер. Пострадают ли в данном случае реальные отношения по охране здоровья населения, что фактически может быть выражено в потреблении запрещенных веществ другим лицом, или нет, выходит, не столь принципиально для решения вопроса об уголовной ответственности. В определенном смысле такое понимание неоконченного по своему фактическому содержанию посяательства (подстрекательства к совершению административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9 КоАП РФ) как окончченного неудачно с догматической точки зрения и не отвечает принципу справедливости, поскольку допускает установление более строгих мер ответственности за не столь опасное по своей сути деяние. Однако именно такой результат толкования закона, как представляется, позволяет эффективнее осуществлять уголовно-правовую превенцию и карательную политику в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Аналогичным образом решен вопрос о содержании вовлечения в противоправную деятельность в постановлении Пленума Верховно-

го Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11. В частности, в п. 15.1 этого документа указано, что под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации следует понимать умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в такую деятельность, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации. При этом склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации Верховный Суд РФ предлагает считать окончченным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, приняло ли вовлекаемое лицо участие в деятельности соответствующего экстремистского объединения³.

При этом обратная ситуация наблюдается по другим преступлениям, сущность которых выражена в вовлечении в преступление, т. е. в более опасное по своему содержанию деяние. Так, для целей ст.ст. 150, 151 УК РФ понятие вовлечения дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, где под таковым понимаются действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия⁴. Момент окончания преступления здесь связан с совершением несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или с совершением хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством). В предложенном Верховным Судом РФ

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 4 (с изм. от 16 мая 2017 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (с изм. от 20 сент. 2018 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 (с изм. от 29 нояб. 2016 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

понимании содержания деяний, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ, не только не проводится различия между вовлечением в преступление и вовлечением в антиобщественные действия, но и в целом неудачно отражено содержание охраняемых законом ценностей. Как верно отмечает Ю. Е. Пудовочкин, применительно к ст. 150 УК РФ содержание деяния-вовлечения в данном случае ошибочно, поскольку правоприменитель неверно понимает объект и социальную опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Как указывает автор, ст. 150 УК РФ в первую очередь ориентирована на защиту детей от информации, которая способна оказать вред их нравственному и социальному развитию, что определяется в том числе и международными документами. В связи с этим более точным и отвечающим истинному смыслу уголовно-правовой нормы является подход, который был представлен в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность»⁵. Согласно ему под вовлечением предлагалось понимать не только действия, нацеленные на подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления либо на привлечение его к совершению преступления в качестве соисполнителя или пособника, но также и действия, направленные на подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлениях [11, с. 5]. Изменения правовой позиции Верховного Суда РФ по вопросу о моменте окончания преступного вовлечения несовершеннолетних, происходившие за последние десятилетия несколько раз, в результате чего существенно менялись пределы уголовно-правовой охраны и репрессии, во многом были обусловлены криминологическими показателями преступности несовершеннолетних.

Изложенное подтверждает старую и одновременно с этим по-прежнему остро дискуссионную идею о том, что конкретизация уголовно-правовой нормы правоприменителем «производится с учетом социально-политических задач и кон-

кретных исторических условий ее применения» [2, с. 215]. Вместе с тем важной предпосылкой правильного применения правовых норм, указывал Я. М. Брайнин, является выяснение и уточнение их содержания и смысла [2, с. 215].

Резюмируя изложенное, следует акцентировать внимание на отдельных теоретических выводах, предопределяющих уголовно-правовую оценку действий по вовлечению в преступление (деятельность).

1. Используемые законодателем тождественные по смыслу термины «вовлечение», «склонение», «вербовка» и др. указывают на единую природу преступного деяния, сущность которого заключается в умышленном воздействии на сознание и волю другого лица (лиц) в различных формах, побуждающих его (их) к совершению преступных (противоправных) действий.

2. Используемые законодателем подходы к криминализации «вовлекательских» действий не исключают возможности соучастия (в том числе и путем посредничества). Однако для ответа на вопрос о юридической оценке соучастия в вовлечении следует устанавливать сущность и реальное содержание деяния.

3. Различные нормативные решения (криминализация вовлечения в преступление и вовлечения в противоправную и антиобщественную деятельность) предопределяют различия в понимании содержания исполнительских действий и, следовательно, не позволяют единообразно понимать момент их юридического завершения.

4. Уяснение смысла уголовно-правовой нормы, содержание деяния в которой выражено в форме вовлечения, следует проводить с учетом правил грамматического и логического толкования. Особое влияние на результаты такого толкования могут оказывать решаемые в определенный исторический период уголовно-политические задачи. Их трансляция и, соответственно, ориентация правоприменителя осуществляется посредством судебного толкования, результаты которого отражены в текстах постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Агапов П. В., Михайлов К. В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики : моногр. Саратов : Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2007. 144 с.
2. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М. : Юрид. лит., 1967. 240 с.

⁵ *О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность* : постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 12 сент. 1969 г. № 8 (утратило силу) // Сб. постановлений Пленумов Верхов. Суда СССР 1924–1977 : в 2 ч. М., 1978. Ч. 2. С. 26.

3. Бриллиантов А. В. Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению // *Российский следователь*. 2006. № 6. С. 15–18.
4. Игнатов А. Н. Квалификация половых преступлений. М. : Юрид. лит., 1974. 256 с.
5. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : моногр. М. : Норма : Инфра-М, 2015. 288 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 3 : Особенная часть. 298 с.
7. Коровин Е. П., Бавсун М. В., Попов П. В. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // *Вестник Омской юридической академии*. 2015. № 2. С. 56–61.
8. Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 440 с.
9. Нагаева Т. И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // *Lex Russica*. 2011. Т. 70, № 3. С. 515–539.
10. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Юрид. лит., 1962. 166 с.
11. Пудовочкин Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2012. № 3 (19). С. 4–8.
12. Феоктистов М. В. Ответственность за соучастие в преступлении: некоторые проблемы теории и практики // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф. (29–30 янв. 2004 г.)*. М. : Проспект, 2004. С. 178–179.
13. Чучаев А. И., Палий В. В. Вовлечение в совершение преступления: спорные вопросы // *Российский следователь*. 2006. № 9. С. 20–23.
14. Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 312 с.

References

1. Agapov P. V., Mikhailov K. V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za sodeistvie terroristicheskoi deyatel'nosti: tendentsii sovremennoi ugolovnoi politiki* [Criminal Responsibility for the Promotion of Terrorist Activities: Trends in Modern Criminal Policy]. Saratov, Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2007. 144 p.
2. Brainin Ya. M. *Ugolovnyi zakon i ego primeneniye* [Criminal Law and its Application]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1967. 240 p.
3. Brilliantov A. V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za вовлечение в совершение prestuplenii terroristicheskogo kharaktera ili inoe sodeistvie ikh soversheniyu* [Criminal Liability for Involvement in the Commission of Crimes of a Terrorist Nature or Other Assistance in their Commission]. *Rossiiskii sledovatel' – Russian Investigator*, 2006, no. 6, pp. 15–18.
4. Ignatov A. N. *Kvalifikatsiya polovykh prestuplenii* [The Qualification of Sexual Offenses]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1974. 256 p.
5. Inogamova-Khegai L. V. *Kontseptual'nye osnovy konkurentsii ugolovno-pravovykh norm* [Conceptual Foundations of Competition in Criminal Law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2015. 288 p.
6. Lebedev V. M. (Ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. T. 3: Osobennaya chast'* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Vol. 3: The Special Part]. Moscow, Yurait Publ., 298 p.
7. Korovin E. P., Bavsun M. V., Popov P. V. *Problemy kvalifikatsii вовлечения несовершеннолетнего в совершение prestupleniya* [Problems of Classifying Involvement of a Juvenile into Crime Commission]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2015, no. 2, pp. 56–61.
8. Kruglikov L. L., Smirnova L. E. *Unifikatsiya v ugolovnom prave* [Unification in Criminal Law]. St. Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2008. 440 p.
9. Nagaeva T. I. *Primeneniye terminov “вовлечение” i “skloneniye” v rossiiskom ugolovnom prave* [Using of Notions ‘Involvement’ and ‘Instigation’ in Russian Criminal Law]. *Lex Russica*, 2011, vol. 70, no. 3, pp. 515–539.
10. Pigolkin A. S. *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of Enactments in the USSR]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1962. 166 p.
11. Pudovochkin Yu. E. *Vovlecheniye nesovershennoletnego v совершение prestupleniya: novye resheniya i novye problemy* [Involving an Underage in Committing a Crime: New Solutions and New Problems]. *Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2012, no. 3 (19), pp. 4–8.
12. Feoktistov M. V. *Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii: nekotorye problemy teorii i praktiki* [Responsibility for Complicity in Crime: Some Problems of Theory and Practice]. *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke – Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century*. Moscow, Prospekt Publ., 2004, pp. 178–179.
13. Chuchaev A. I., Palii V. V. *Vovlecheniye v совершение prestupleniya: spornye voprosy* [Involvement in the Commission of a Crime: Controversial Issues]. *Rossiiskii sledovatel' – Russian Investigator*, 2006, no. 9, pp. 20–23.
14. Shargorodskii M. D. *Ugolovnyi zakon* [Criminal Law]. Moscow, Ministry of Justice of the USSR Legal Publ., 1948. 312 p.